

Коллажи Карла Вальдманна

Жан Филипп КАЗЬЕ, преподаватель философии, писатель, член редакционного комитета журнала «Chimères», выпускающий редактор (издательство Sils Maria).

Произведения Вальдманна критичны по отношению к СССР и нацизму. Судя по их содержанию, Вальдманн не разделял политического оптимизма множества художников своего времени: может быть ему была близка разрушительная идея дадаизма, может быть он относил себя к художникам, отказавшимся стесняться свое творчество требованиями пропаганды, а может быть он узнал в русском коммунизме то, что уже распознал в растущем нацизме. При этом, его произведения никогда не выставлялись: следовательно, созданы они были не для показа, а, как ни странно, для того, чтобы оставаться секретными. Вальдманн не присоединяется к конструктивизму пассивно: если он заимствует у него некоторые принципы и законы, то это для того, чтобы их перевернуть и опрокинуть. Он охотно использует нацистские темы и идеалы, такие как белокурые дети, спортсмены, технические достижения, портрет Гитлера, арийские женщины, гигиена, расовая типология, военная мощь и т.д., но при этом придавая им совершенно противоположные и искаженные функцию и значение: то, что в публичном дискурсе восхваляет нацистский строй, у Вальдманна – порицает. Тот же самый подход можно наблюдать и в обработке тематик и образов коммунистической пропаганды: столпотворения, рабочие, парады, технологический модернизм, портреты Троцкого и Сталина и т.д. служат для развития иронического и критического «дискурса» торжествующего коммунизма. Иными словами, и в том и в другом случае Вальдманн проявляет интерес к знакам, которые он перетолковывает, трансформирует, переворачивает, чтобы изменить их значение, в данном случае – с точностью до наоборот. Здесь несомненно заключается одна из особенностей творчества Вальдманна, поскольку он действует не только как умелый художник, но и как искусный семиолог, вызывая у знака *многозначность* там, где нацистская и советская пропаганды (и их художники) считают, что знак всегда должен быть *идентичен* самому себе. Такой подход носит у Вальдманна как *эстетический*, так и *политический* смысл (ведь диктатуру и тоталитаризм узнают по однозначности и тождественности знака). Тем не менее, из-за своего стиля, политического характера, используемых материалов, произведения Карла Вальдманна неразрывно связаны с основами конструктивизма – разрушающего и парадоксального, – так как сильный политический подтекст произведений не служит никакой пропаганде, никакому нравственному воспитанию народа. Это, наоборот, парадоксально частные произведения, чье политическое значение сосредоточено в основном в работе над знаками...

Произведения Вальдманна ставят под вопрос взаимоотношения знака, смысла и тождественности и таким образом определяются как антинацистское и антисталинское творчество. Однако прием Вальдманна не ограничивается подборкой знаков и приданием им другого, противоположного смысла. Хотя разоблачительная критика нацизма и

сталинизма довольно систематично проступает в произведениях, она их не исчерпывает. Вопрос тождественности, подход к нему из утверждения множественности, выражается в коллажах также с помощью двух других взаимосвязанных способов. Каждый элемент считается с другим, *на первый взгляд* несочитаемым элементом: к человеческому телу приставляется механизм, в лицо вонзается кусок металла, на месте живота у женщины появляется клетка, в которой сидит обезьяна, животные части тела перемешиваются с человеческими, переплетаются миры, сходятся расходящиеся измерения, удачно совмещается несколько различных точек зрения (влияние кубизма?) и т.д. Каждый элемент открывает определенное поле, действительность, которую мы считали закрытой или явно ограниченной (человек, животное, история, текст и т.д.); Вальдманн же в своих коллажах соединяет эти разнородные, смешивающиеся элементы, чтобы стереть границы каждого взятого в отдельности знака (а, значит, и каждого поля, к которому он относится) и, самое главное, *создать* множественный знак из «наслоения» и «слияния» всех разнородных знаков, знак, который бы, так сказать, постоянно разветвлялся. Причем из такого наслоения и слияния состоит каждое произведение и является само по себе *множественным и беззначимым знаком*. Конечно, историческое толкование, обнаруживающее в коллажах Вальдманна антинацистский и антисталинский «дискурс», совершенно обоснованно. Но достаточно ли рассматривать их *лишь в контексте фактов прошедшей истории*? Как объяснить тогда такое странное переплетение живого и механического, человеческого и животного? Может быть это просто метафорический прием, кодовый язык? Исторический смысл, хотя он действительно присутствует в произведениях, не составляет их полный семантический объем, так как иначе творчество Вальдманна можно было бы охарактеризовать тем, что он отрицает – однозначностью и тождественностью значения, дискурса, который бы ограничился осуждением гитлеровского фашизма и сталинского коммунизма, и такой же однозначной, прямой символикой. Его произведения стали бы тогда дискурсом, осуждающим другой дискурс, но на основе одинаковых знаков. Однако, если выйти за пределы исторического толкования и не обрушивать историю на действительность коллажей, то перед нами возникают произведения – каждое из которых представляет собой самостоятельный знак, – но теперь уже множественные, двусмысленные, непостоянные, а, значит, и беззначимые, потому что знаки сами по себе являются разнородными и множественными и утверждают свою *множественность* тем, что не указывают ни на одно определенное значение. Именно таким образом Вальдманн освобождается от «тоталитарного режима» знака и именно поэтому его произведения считаются фундаментально антифашистскими¹: потому что *создание* знаков осуществляется не за счет одного лишь переворачивания смысла, а за счет достижения *нейтрализации значения*...

¹«Язык... не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто», Ролан Барт, «Лекция», изд. Seuil, 1978 г., стр. 14. Идея «фашизации» языка у Барта тесно связана с вопросом тождества знака: если язык фашист и принуждает говорить что-либо, то это значит, что лингвистический знак обязан иметь значение, причем только одно значение. Это не мешает Барту предполагать и даже искать внутри языка (и в речи вообще) способы избежать обязательного значения.